

Валерий Брюсов

Защита

Валерий Яковлевич Брюсов

Защита

«Эту историю рассказал мне полковник Р. Мы гостили вместе с ним в имении наших общих родственников М♦х. Дело было на святках, и в гостиную зашел вечером разговор о привидениях. Полковник не принимал в нем участия, но когда мы остались вдвоем (мы спали с ним в одной комнате), он закурил сигару и рассказал мне следующее:

– Случилось это со мной лет двадцать пять тому назад, а то и более, в середине 70♦х годов. Я тогда только что вышел в офицеры. Наш полк стоял в *, маленьком городишке -ой губернии. Проводили мы время, как обыкновенно проводят офицеры: кутили, играли в карты и ухаживали за женщинами...»

Валерий Брюсов
Защита
Святочный рассказ

Эту историю рассказал мне полковник Р. Мы гостили вместе с ним в имении наших общих родственников М♦х. Дело было на святках, и в гостиной зашел вечером разговор о привидениях. Полковник не принимал в нем участия, но когда мы остались вдвоем (мы спали с ним в одной комнате), он закурил сигару и рассказал мне следующее:

– Случилось это со мной лет двадцать пять тому назад, а то и более, в середине 70♦х годов. Я тогда только что вышел в офицеры. Наш полк стоял в *, маленьком городишке -ой губернии. Проводили мы время, как обыкновенно проводят офицеры: кутили, играли в карты и ухаживали за женщинами.

Среди местного общества резко выделялась г♦жа С. – Елена Григорьевна. Собственно говоря, она не принадлежала к местному обществу, потому что прежде жила постоянно в Петербурге. Но, овдовев год назад, она безвыездно поселилась в своем имении, верстах в 10 от города. Ей было лет 30 с чем-нибудь, но в ее глазах, почти неестественно крупных, было что-то детское, придававшее ей неизъяснимую прелесть. Все наши офи-

церы увлекались ею, а я влюбился в нее, как можно влюбляться только в двадцать лет.

Наш ротный командир был в родстве с Еленой Григорьевной, и мы получили доступ в ее дом. Она нисколько не разыгрывала из себя затворницы, и свободно принимала у себя молодых людей, хотя жила почти одна. Нам случалось у нее обедать и проводить целые вечера. Однако, она умела держать себя с таким тактом и достоинством, что никто не мог похвастать ни малейшей близостью с ней. Даже острые провинциальные языки не могли уязвить ее никакой сплетней.

Я изнывал от своей любви. Больше всего меня мучила невозможность открыто в ней признаться. Я готов был на все на свете, чтобы только упасть на колени пред Еленой Григорьевной и сказать ей громко: «я вас люблю». Молодость немного похожа на опьянение. Ради того, чтобы полчаса побыть наедине с той, кого я любил, я решился на средство отчаянное. Зима была в тот год снежная. На святках, что ни день, то начинала крутиться метель. Я выбрал вечер, когда вьюга была особенно злая, приказал оседлать коня

и выехал в поле.

Не знаю, как я не погиб тогда. Везде в двух шагах словно стояла серая стена. На дороге снег был чуть не по колено. Двадцать раз я сбивался с пути. Двадцать раз моя лошадь отказывалась идти дальше. Со мной была фляжка коньяку, и только потому я не замерз. Десять верст я ехал чуть ли не три часа.

Прямо каким-то чудом я добрался до усадьбы С. Было уже поздно и я едва достучался. Сторож, узнав меня, ахнул. Я был весь в снегу, заледеневший, словно ряженный. Конечно, у меня была готова история, чтобы объяснить свое появление. Мой расчет оправдался. Елена Григорьевна не могла не принять меня и приказала отвести мне комнату на ночь.

Через полчаса я уже сидел в столовой, вдвоем с Еленой Григорьевной. Она угощала меня ужином, вином, чаем. Полена трещали в камине, а свет висячей лампы заключил нас в свой круг, который мне казался волшебным. Я не чувствовал никакой усталости и был влюблен, как никогда.

Я был молод, красив и, право, не глуп. Я имел все права на внимание женщин.

Но Елена Григорьевна с необыкновенной ловкостью уклонялась от всех тем о любви. Она заставляла меня разговаривать с нею совершенно так же, как если бы мы были на многолюдном рауте. Она смеялась моим остротам, но делала вид, что не понимает никаких моих намеков.

Несмотря на то, между нами постепенно возникла особого рода близость, которая позволяла нам говорить более откровенно. И вот, видя, что уже близок час, когда надо будет разойтись, я, наконец, решился. Меня словно толкало сознание, что подобный случай более не повторится. «Если ты не воспользуешься сегодняшним днем, - говорил я сам себе, - тебе останется винить самого себя». Сделав усилие над своей волей, я вдруг прервал разговор на полуслове и сразу, как-то бессвязно и нелепо, высказал все, что таилось в душе:

– Зачем мы притворяемся, Елена Григорьевна! Вы хорошо знаете, зачем я приехал сегодня. Я приехал сказать вам, что вас люблю. И вот говорю это. Я не могу не любить вас и хочу, чтобы вы любили меня. Прогоните меня, и я покорно уйду. Если же вы меня не про-

гоните, я сочту это за знак, что и вы меня любите. Я не хочу середины. Хочу или вашего гнева или вашей любви.

Детские глаза Елены Григорьевны стали холодными, как хрустали. Я прочел такой ясный ответ на ее лице, что молча встал и хотел идти прочь. Она остановила меня.

– Полноте! Куда вы! Не будьте мальчишкой. Сядьте.

Усадив меня около себя, она стала говорить со мной, как старшая сестра с капризным ребенком.

– Вы еще слишком молоды, и любовь для вас в новинку. Будь на моем месте другая женщина, вы влюбились бы в нее. Через месяц вы полюбите третью. Но есть иная любовь, которая черпает душу до дна. Такова была моя любовь к Сергею, к моему покойному мужу. Я отдала ему все свое чувство до конца. Сколько бы вы ни говорили мне о любви, я буду вас слушать, как труп. Поймите, что во мне не осталось способности понимать такие речи. Все равно, как если бы вы говорили перед глухой. Помиритесь с этим. Вам не может быть обидно, что вы не могли увлечь сво-

ей любовью мертвеца.

Елена Григорьевна говорила с легкой улыбкой. Это показалось мне почти оскорбительным. Мне представилось, что она насмеяется надо мной, ссылаясь на любовь к покойному мужу. Я весь побледнел. Помнится, на глазах моих выступили слезы.

От Елены Григорьевны не укрылось мое волнение. Я видел, что выражение ее холодных глаз изменилось. Она поняла, что я страдаю. Удержав меня рукой, так как я хотел молча, встать, она пододвинула ближе ко мне свое кресло. Я почувствовал на своем лице ее дыхание. И, понизив голос, хотя мы были одни в комнате, она, с настоящей откровенностью и с нежной задушевностью, сказала мне:

— Простите, если я обидела вас. Может быть, я ошибаюсь в вашем чувстве и оно серьезнее, чем я думала. Поэтому я вам скажу всю правду. Слушайте. Моя любовь к Сергею не мертвая, а живая. Я люблю Сергея не в прошлом, а в настоящем. Мы не расставались с ним. Я не смеюсь над вашим признанием, не смейтесь и вы над моим. С самого дня сво-

ей смерти, Сергей стал являться мне, незримо, но явно. Я чувствую его близость, ощущаю его дыхание, слышу его ласковый шепот. Я ему отвечаю и мы ведем с ним тихие разговоры. Порою он чуть внятно целует меня в волосы, в щеку, в губы. Порою я смутно вижу его отражение, в полутьме, в зеркале. Когда я остаюсь одна, он тотчас оказывается близ меня. Я привыкла к этой жизни с тенью. Я продолжаю любить Сергея, в ином его образе, так же страстно и нежно, как любила прежде. Другой любви мне не надо. И я не нарушу верности тому человеку, который не покинул меня и за гранью этой жизни. А если вы скажите мне, что я брежу, что у меня галлюцинации, я вам отвечу: мне все равно! Своей любовью я счастлива, зачем же мне отказываться от счастья? Оставьте меня быть счастливой!

Свою длинную речь Елена Григорьевна произнесла кротко, не повышая голоса, но с глубоким убеждением. Я был так изумлен серьезностью ее тона, что не нашелся, что ответить. Я смотрел на нее с некоторым страхом и сожалением, как на помешанную. Но она опять перешла к роли хозяйки и ска-

зала мне, другим голосом, словно обращая в шутку все предыдущее:

– Ну, нам пора расходиться. Матвей покажет вам вашу комнату на ночь.

Матвей был старый слуга в доме. Я машинально поцеловал протянутую мне руку. А через минуту вошел Матвей и угрюмым голосом пригласил меня следовать за собой. Проведя меня через весь дом, он указал мне приготовленную постель, пожелал покойной ночи и оставил меня одного.

Только тогда я немного опомнился. И, как это ни странно, первым моим чувством был стыд. Мне стало стыдно, что я сыграл такую незавидную роль. Мне стало стыдно, что я, пробыв с молодой женщиной наедине два часа, в почти пустом доме, не добился даже того, чтобы поцеловать ее в губы. В те минуты вместо любви я испытывал скорее чувство злобы к Елене Григорьевне, желание отомстить ей. Я уже перестал думать, что ее ум расстроен; мне казалось, что она смеялась надо мной.

Сев на постель, я стал осматриваться. Я был знаком с расположением дома. Я нахо-

дился в кабинете покойного Сергея Дмитриевича. Рядом была его спальня, где все было оставлено совершенно в том виде, как было при его жизни. Прямо предо мной, на стене, висел его портрет масляными красками. Он был написан в черном сюртуке, с ленточкой французского ордена Почетного Легиона, который получил, не знаю как и за что, при Второй империи. И, по какой-то странной связи идей, именно эта ленточка навела мои мысли на самый странный и дикий план.

У меня с покойным Сергеем Дмитриевичем было внешнее сходство в лицах. Конечно, он был старше меня. Но оба мы носили усы и одинаковую прическу. Только его волосы были с проседью. Я пошел в его спальню. Шкап был незакрыт. Я отыскал такой же сюртук, какой был изображен на портрете, и надел его на себя. Я отыскал и орденскую ленточку. Я напудрил себе голову и усы. Одним словом, я нарядился покойным.

Может быть, если бы мой замысел удался, я постыдился бы рассказывать вам об нем. Сознаюсь, что моя проделка была гораздо хуже, чем простая шалость. Она была бы прямо

непростительна, если бы я не был так молод. Но я получил достойное возмездие за свой проступок.

Переодевшись, я направился к комнате Елены Григорьевны. Случалось ли вам красться ночью по спящему дому? Каким резким кажется каждый шорох, и до чего громко скрипят в тишине половицы! Несколько раз мне казалось, что я разбужу всю прислугу.

Наконец, я добрался до желанной двери. Сердце мое стучало. Я надавил ручку. Дверь растворилась без шума. Я вошел. Комната была освещена лампадкой, светившей ярко. Елена Григорьевна еще не ложилась. Она сидела в широком кресле, в ночном капоте, перед своим столом, задумавшись, вспоминая. Она не слышала, как я вошел.

Несколько минут я стоял в полутьме, не смея сделать ни шага вперед. Вдруг, почувствовав мое присутствие или заслышав какой-нибудь шум, Елена Григорьевна обернулась. Она увидела меня и задрожала. Моя проделка удалась лучше, чем я мог ожидать. Она приняла меня за своего покойного мужа. Со слабым криком, привстав с кресла, она

протянула ко мне руки. Я услышал ее радостный голос:

– Сергей! Ты! Наконец!

И потом, потрясенная таким волнением, она опять упала в кресло, по-видимому, без сознания.

Не вполне сознавая, что я хочу делать, я бросился к ней. Но в то самое мгновение, как я был около кресла, я увидел перед собой образ другого человека. Это было так неожиданно, что я замер, как в столбняке. Потом мне представилось, что предо мной стоит громадное зеркало. Тот, другой человек, был верным повторением того, чем был я. Он тоже был одет в черный сюртук, и у него тоже была на груди ленточка Почетного Легиона. Но еще чрез мгновение я понял, что это *он*, чей образ я украл, и кто из-за могилы пришел защитить свою жену. Тогда колючий ужас пробежал по всем моим членам.

Несколько секунд мы стояли друг против друга пред креслом, в котором без чувств лежала оспариваемая нами женщина. Я не мог пошевелиться. И вот *он*, этот призрак, тихо поднял руку и погрозил мне.

Я после участвовал в турецкой кампании. Я видал смерть и все, что считается страшным. Но того ужаса, который владел мною тогда, я не испытывал никогда более. Эта угроза выходца с того света остановила биение моего сердца и движение крови в моих жилах. На миг я сам был почти мертвецом. Потом, не глядя, я бросился к двери.

Держась за стены, шатаясь, не заботясь о том, как громко раздаются мои шаги, я добрался до своей комнаты. У меня не хватило мужества посмотреть на портрет, висевший на стене. Я бросился ничком на постель, и какое-то черное оцепенение пригвоздило меня к ней.

Я очнулся на заре. Я был все в той же чужой одежде. С мучительным стыдом я снял ее и повесил на свое место. Одевшись в свой мундир, я отыскал Матвея и сказал, что уезжаю тотчас. Он, по-видимому, несколько не удивился. Горничную Глашу я спросил, спит ли барыня. Та ответила мне, что «почивают покойно». Это меня ободрило. Я попросил передать мои извинения в том, что уезжаю, не простившись, и ускакал.

Через несколько дней после, я был с товарищами у Елены Григорьевны. Она приняла нас с обычной приветливостью. Ни одним намеком не напомнила она мне об этой ночи. Для меня, и до сих пор остается тайной, поняла ли она, что произошло тогда.